

УДК 93
ББК 63.3(2Рос)

**ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИЙ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ
ПЕРЕСЕЛЕНИЙ: ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА*¹**

Н. Ф. Бугай

Рассматриваемая в настоящей статье тема остается актуальной и сегодня. Ее разработка до 1990-х годов сводилась к изучению различных аспектов административно-территориального обустройства СССР, России, других союзных и автономных республик. Об этом свидетельствуют как соответствующие монографические работы, так и документальные публикации, касающиеся в большей степени регионов страны. Однако с учетом тех изменений и потрясений, которые претерпели и СССР, и Россия в XX веке, внимание исследователей сосредоточивалось главным образом на сопредельных вопросах: федеративные отношения, национально-государственное строительство, принудительные переселения, реабилитация и др.

Проблема территорий, территориального фактора в жизни народов, в том числе СССР и России, является составной частью темы взаимодействия общества и природы. Исследователи обращались к вопросу ее непосредственного проявления на практике. Важным оставалось понять возможности и географические преимущества, которые предоставляет тому или иному обществу, индивидууму его территория. Важно понять и то, как ведет себя человек в случае экстремальной ситуации, в том числе связанной с обострением межэтнических отношений и т. д. Это в полной мере распространяется и на условия принудительного переселения народов, групп граждан, их изъятие из той или иной территории, т. е. в той обстановке, когда происходит, по образному замечанию археологов, **переоотложение** (выделено мной. — *Н. Б.*) этой территории в сознании

общности, личности, нарушение взаимодействия личности и природы, неестественное для личности состояние этой территории. Нарушение сложившегося природно-хозяйственного комплекса, ландшафта, распределение населения по чужой территории, утрата связей между его частями, изменение сложившегося стереотипа положения личности имеет сокрушительные последствия для государства, этнической общности, индивидуума, подвергшихся деструктивным воздействиям. Конкретные направления взаимоотношений общества и природы формировались на протяжении длительного времени, когда были выработаны приемлемая модель использования природных ресурсов на территории проживания, ведения хозяйствования и формы взаимоотношений между членами сообществ. Вероятно, этими факторами объясняется постоянная тяга человека к территории, на которой расселялось и проживало не одно поколение его предков.

Длительное время на изучении обозначенной темы сказывалось существовавшее табу. Появившийся в 1990-е годы доступ к архивам способствовал более глубокой и всесторонней разработке направления в целом, и особенно остро ощущалась в этом потребность в условиях обострения межэтнических отношений на Кавказе, Дальнем Востоке, в Поволжье, других регионах страны, в том числе и применительно к периоду принудительного переселения народов из названных регионов.

Прежде чем отвечать на вопросы, диктуемые современностью, важно знать, как было устроено советское пространство с

* Проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: акад. А. П. Деревянко). Направление 2. «Советская модернизация и ее влияние на российское общество» (координаторы: член.-кор. РАН Е. И. Пивовар, д.и.н. Ю. А. Петров).

учетом внутритерриториального фактора. Интересно и то, как в прошлом, в структуре детерминируются и определяются современные события, например, по векторам «территория — границы», «этнические общности в рамках территорий как клеток, составляющих единое целое — государственность»; процессы, в которые они вовлекаются, в том числе и имевшие место принудительные переселения, начиная с 1920-х годов. Важно уяснить и направленность межэтнического взаимодействия как составляющей генезиса российской государственности, социокультурный и конфессиональный аспекты политических трансформаций, а также влияние демократизации общественной жизни на трансформацию политического поля России¹. В основе этих положений, несомненно, одну из существенных позиций занимает территориальный фактор.

Анализ территориального фактора, взаимодействия обществ на той или иной территории позволяет сделать вывод об особенностях советского пространства — универсальность власти, определявшаяся ее персонифицированным характером во всех направлениях хозяйственного и духовного развития общества и пространственными (территориальными) структурами, объединенными в общество-государство. Надо согласиться с тем, что советское пространство со своей фрагментированностью отличается чрезвычайно высокой ролью рубежей, барьеров, границ, как внешних, так и внутренних, оказывающих влияние на формирование отношений и политики, уровень взаимодействия субъектов. Четко эти моменты подмечены В. Л. Каганским в его обобщающей оценке, сводящейся к тому, что *«логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней»* [Каганский 1993: 90]. Территориальная российская феноменология — производное государственно-общественной.

Определенный интерес представляет

¹ Общественные трансформации — взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, и функционирования социальных институтов, связанного с намеренным, целенаправленным воздействием номинальных установлений (формальные нормы, процедуры и правила) — с другой.

и государственная идеология этого периода истории страны. Несомненно, каждому этапу развития государственности соответствовали свои идеологические нормы и представления, выработанные с учетом накопленного опыта сообществом, партийными организациями, институтами гражданского общества. Не являлась исключением в этом смысле и сфера межэтнических отношений. Более того, эти отношения с учетом общественного и психологического факторов остаются самой тонкой сферой человеческих отношений. В условиях строительства социализма в сфере отношений между народами предусматривалось возрождение экономической составляющей в регионах компактного проживания этнических общностей. Вероятно, развитие самой системы межэтнических отношений без наличия заведомо выработанных практик, идеологических установок вряд ли могло бы быть эффективным. Очень важным моментом остается определение как компонентов этого понятия, так и прогнозирование его полезности, формирование приоритетных направлений на том или ином этапе развития самой государственности.

В условиях совершенствования тоталитаризма как системы управления обществом на последующем историческом этапе концепция этих отношений претерпевала изменения и выглядела несколько иначе. С одной стороны, наблюдалась реализация намеченных ранее мер, а с другой — беспрекословное подчинение и следование лозунгам, провозглашенным партией, лидерами советского государства. В предвоенный и особенно военный период в основу идеологии было заложено формирование установок на дружбу народов, патриотизм, сочетание национальной и патриотической идей, на которых базировалась и работа партийных ячеек, органов государственной власти по организации борьбы против фашизма. Эти направления составили на данном этапе сущность советской пропаганды, воспитания культуры межэтнического общения, работы по достижению цели.

Очевидно, что многое в сфере идеологии было направлено прежде всего на укрепление власти, а отсюда и отвержение инакомыслия, противовесом чему служила активная пропаганда идей пролетарского интернационализма, начало которой было положено еще в 1920-е гг. Правда, уже в этот период такая работа принимала несколько

искаженную форму, когда И. В. Сталиным провозглашалась необходимость проводить национальную политику с решением первоочередной задачи сохранения и укрепления власти. С учетом данных установок был провозглашен призыв руководствоваться на практике более широким использованием принципа «видимого интернационализма». Этой задаче подчинялось и отношение государства к этническим общностям, деление их по ранжиру: титульные, нетитульные, этнические меньшинства, группы и т. д. Такое ранжирование подчинялось идее державности страны. В речах и статьях Сталина проблема территории республик, краев, областей применительно к 1930–1940-м гг. подробно не затрагивалась, однако практическое решение вопроса не обходилось без его подчиненных. Сталин непосредственно апеллировал, притом неоднократно, к вопросу территорий, но в большей мере в плане принятия управленческих решений.

В российской историографии попытки изучения роли и значения подручных Сталина в принудительном переселении этнических общностей и производных этих процессов выглядят достаточно слабо, а зарубежная историография делает на этом пути лишь первые шаги. Так, британский исследователь Дональд Рейфилд реконструирует механизм функционирования этой пирамиды власти и аргументированно заявляет, что «Сталин в той же степени зависел от служивших ему палачей, в какой они зависели от него» [Рейфилд 2008]. И далее автор задается вопросом, кем же, собственно, были эти люди, если Сталин как вождь государства верил и опирался «на свору сообщников, способных на все». Координируя и направляя их деятельность, он «не был единственным автором и исполнителем» такой гнусной по своей направленности жестокой меры. Исследователи предпринимают попытку разобраться, что же толкало таких деятелей, как Н. И. Ежов, С. Р. Мильштейн, И. А. Серов, Л. П. Берия, А. Я. Вышинский и др., на применение такой меры, как принудительное переселение.

После окончания войны среди принудительно выселенных этнических общностей, несомненно, возникли надежды на возможную реабилитацию и восстановление прежней государственности. Иногда власти невольно сами давали повод для активизации «возвращенческих» настроений. Например, решение об упразднении

Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область было расценено не упоминаясь в данном документе народами — карачаевцами, калмыками и другими — «как косвенное свидетельство лояльного отношения верховной власти к восстановлению их собственных автономий» [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 320, 382]. Однако с этой иллюзией скоро пришлось расстаться. Никаких шагов к реабилитации спецпереселенцев со стороны властей не последовало.

О свободе после войны мечталось не только спецпоселенцам. Победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывались с возможностью либерализации общества, в том числе и национальной политики. Ответом на эти надежды стала новая государственная идеология, опорными конструкциями которой выступали идеи великодержавности, советского патриотизма и этатизма. Возвращение к имперским ценностям и традициям происходило, естественно, не напрямую, а под прикрытием коммунистической фразеологии. Например, когда в марте 1946 г. было принято решение о переименовании народных комиссаров в министры (по аналогии с дореволюционной Россией), Сталин мотивировал эти действия как достижение стабильности в условиях функционирования советского общественного строя [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 23]. Еще во время войны в армию вернули погоны. Были созданы суворовские и нахимовские училища, которые продолжали традиции кадетских корпусов. Реанимирование имперской идеологии сочеталось с пропагандой идеи патриотизма. Великая Отечественная война всколыхнула в народе патриотические чувства. После войны Сталин использовал этот порыв как противовес настроениям, зародившимся в обществе благодаря знакомству с образцами западной жизни в период освобождения Европы Красной Армией. В стране стал культивироваться русский/советский патриотизм. Одним словом, отмечалось стремление не допустить своеобразной реверберации патриотизма. Новая идеология имела одну особенность: несмотря на попытки вождя разыграть «русскую карту» — как в знаменитом тосте «за здоровье великого (?) русского народа» — эта идеология была не этнической, а этатистской по своей природе, т. е. государственно-патерналистской в сво-

ей основе. Другая особенность кампании по пропаганде патриотизма заключалась в том, что первоначально она задумывалась не в контексте борьбы с национализмом внутри страны, а как противодействие западному влиянию. В стране был объявлен поход против «пресмыкательства перед заграницей» [Закрытое 1994: 68].

В 1947–1948 гг. происходит очередное ужесточение политического курса, в соответствии с ним корректируются и идеологические ориентиры, дополненные новым представлением об образе врага. Врагами теперь объявляются «местные националисты» и «буржуазные космополиты». Под лозунгом борьбы с проявлениями местного национализма в 1950–1952 гг. проходила чистка республиканских элит (среди наиболее громких дел этого уровня — «эстонское» и «мингрельское»). На роль «космополитов» Сталин выбрал советских евреев. К этому времени они располагали своей общественной организацией — Еврейским антифашистским комитетом, которому в случае необходимости можно было приписать роль «националистического центра». Первые проявления антисемитизма как новой государственной политики были отмечены сразу после окончания войны. Объектом критики ЦК ВКП(б) за «упущения в кадровой работе» стало Совинформбюро под руководством заместителя министра иностранных дел СССР С. А. Лозовского. Эти «упущения» в числе прочих недостатков выразились в «недопустимой концентрации евреев» [Костырченко 1999: 60–61]. Лозовского освободили от должности, а в Совинформбюро началось увольнение сотрудников «по национальному признаку». Кампания «борьбы с космополитами» набрала полную силу в 1948–1949 гг., когда прошла кадровая чистка во всех министерствах (включая даже МГБ СССР) и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов: отовсюду изгоняли евреев. Всего в связи «делом ЕАК» в 1948–1952 гг. было репрессировано (приговорено к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 110 человек [О так называемом 1989: 40]. Заключительным этапом этой кампании стало «дело врачей», призванное, по замыслу организаторов, вскрыть заговор кремлевских медиков против руководителей партии и страны. «Врач-вредители» обвинялись в сознательно неправильном лечении руководителей стра-

ны. «Космополитизм» выступал как своего рода «высшая форма низкопоклонства» — как предательство интересов отечества. Массовая истерия прекратилась только со смертью Сталина.

Одним словом, лидеры государства и органы государственной власти были заняты реализацией «управленческих решений» по наведению необходимого для них порядка в стране, и особенно в сфере идеологии. Разумеется, в пылу борьбы с инакомыслием было не до репрессированных этнических общностей, решения их проблем. Однако не следует забывать, что акции по принудительному переселению народов продолжались. Этот процесс оставался непрерывным до 1953 г., а частично продолжался и в дальнейшем. Правда, П. М. Полян считает, что волна переселений во второй половине 1940-х годов утихала [Полян 2005]. Это не соответствует действительности. По данным прокуратуры СССР, во второй половине 1940-х годов активно разворачивались одна за другой кампании по вылавливанию оставшихся или сбежавших спецпереселенцев на территории их прежнего проживания.

В феврале 1948 г., согласно постановлению Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 г., было переселено 21 380 семей (61 814 чел.). Они направлялись на работу в угольную промышленность восточных районов страны (комбинаты «Кузбассуголь», «Челябинскуголь», «Молотовуголь», «Востсибуголь», «Карагандауголь» и др.) [Лубянка 2007: 148]. Вновь на спецпоселение отправлялись одна за другой партии выловленных спецпереселенцев. Часть семей Западной Украины (3 356 семей — 7 186 чел.) передавалась в распоряжение сельскохозяйственных районов Казахской ССР, Кемеровской, Челябинской и других областей РСФСР. 4 апреля 1949 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР» (в Алтайский край), в апреле 1949 г. выселялись также кулаки, помещики и другие политически неблагонадежные элементы с территории Молдавской ССР — 11 280 семей (49 850 чел.). В это же время были «потревожены» турецкие граждане, турки, не имевшие гражданства и бывшие турецкие граждане, принятые в советское гражданство, которых переселяли в Томскую область [Лубянка 2007: 261–262].

В 1960-е годы идеология в значительной степени выстраивалась также на борьбе с шовинизмом и великодержавием. А в период «оттепели» были расширены рамки этой борьбы, в первую очередь с клеветническими измышлениями, трансляцией ощущения разрыва планов социалистического строительства с реальностью.

Перестройка конца 1980-х гг. выявила стремление личности к свободе. Болезненный процесс сопровождался последовательным разрушением и отказом от социалистической идеологии, отрицанием всего советского. Советская власть оценивалась в целом как источник всех недостатков и причин неурядиц, что с самого начала принимало противоречивый характер.

Проблема спецпереселений продолжала тлеть и в условиях гласности начала 1990-х гг. проявила себя, потребовав более внимательного отношения со стороны общества, решения ее на законодательной основе. Фактически последующие десять лет в России осуществлялся новый этап реабилитации, потребовавший от государства существенных затрат. Принимая нормативно-правовые акты по ее решению, общественность не вдавалась глубоко в суть самой проблемы. Были слабо изучены ее конститутивные начала, наполняемость, анализ мер, предпринятых в 1950–1960-е гг. В результате реабилитацию отдельные этнические общности прошли повторно, а другие ее совсем не ощутили — ни в прошлом, ни в 1990-е гг. В акциях по реабилитации народов в 1990-е годы наибольшая напряженность в отношениях между некоторыми регионами и населяющими их этносами возникла именно в вопросах, связанных с территориальной реабилитацией. В конечном итоге это направление вовсе не получило реализации. Однако положение о территориальном компоненте в системе мер реабилитации нашло свое отражение как в документах идеологической направленности и чисто управленческого характера, издаваемых администрацией Президента России, так и в первых нормативно-правовых актах, распоряжениях, указах о моратории на изменение территорий по причине проводимых в 1940-е — начале 1950-х гг. принудительных переселений народов.

Первым государственным документом, затрагивающим вопрос территориального фактора в национальных процессах как в идеологическом плане, так и в плане раз-

витии теории самого вопроса, стала принятая в 1996 г. «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», в которой территориальному фактору было уделено внимание применительно к России как единому государству. Документ трактовал спорные территории не как принадлежащие отдельным народам, а как общую территорию страны, как территорию для всех коренных народов, сыгравших огромную роль в формировании российской государственности. Учет территориального фактора при выстраивании отношений между этническими общностями позволял сохранять уникальное единство и многообразие, духовную общность и союз различных народов. В новых условиях существования бывших советских республик (с учетом имеющегося наследия межэтнических отношений) территориальный фактор приобретает особое значение в обстановке, когда приходится заключать договорные соглашения о сотрудничестве в разрешении проблем компактного проживания в приграничных районах различных этнических общностей. Получает подтверждение выработанное ранее практикой правило — *«учет региональных особенностей при проведении экономических реформ»*. Это обуславливает *«необходимость межрегионального сотрудничества для обеспечения стабильности в обществе, в том числе в сфере межнациональных отношений»* [Реабилитация 2000: 15].

Территориальный фактор выступает ингредиентом федеральных и региональных программ предотвращения и разрешения конфликтов на этнической почве. Все эти положения требуют строгого учета на практике, при решении территориальных споров, урегулирования территориальных претензий друг к другу, распределения земель и т. д. Вопросы идеологии межэтнических отношений были достаточно сформулированы и отличались своей адекватностью реалиям. В «Концепции» отчетливо проявляется экономическая составляющая развития государства и его идеологии на новом этапе. В разделе «Ситуация в области национальных отношений в Российской Федерации» о состоянии земельных отношений в тот период читаем: *«На межнациональные отношения серьезное негативное воздействие оказывает также безработица, особенно в районах, располагающих избыточными трудовыми ресурсами, правовая неурегули-*

рованность земельных и других отношений, наличие территориальных споров, проявление этнократических устремлений» [Реабилитация 2000: 9]. В данной плоскости очевиден интерес общества к аграрной сфере жизнедеятельности, который проявлялся и в период принудительных переселений. Без решения этого жизненно важного вопроса было бы затруднительно обращаться к решению других задач. «Национальная политика может стать консолидирующим фактором лишь в том случае, если она будет отражать всё многообразие интересов России, иметь в своем арсенале четкие механизмы их согласования», — констатировалось в «Концепции» [Реабилитация 2000: 11].

О превалирующей роли и месте территориального фактора на разных этапах развития советского общества и российской государственности свидетельствует и то, что в разделе «Основные цели и задачи государственной национальной политики» «Концепции» в числе основополагающих названо разрешение возникающих споров и конфликтов между субъектами Российской Федерации. В этой ситуации приобретает особое значение содействие развитию экономического взаимодействия по обеспечению комплексного решения задач социально-экономического и национально-культурного возрождения, обеспечения прав и интересов этнических общностей, проживающих на территории Российской Федерации. Решение вопросов в сфере экономики, формирования экономического потенциала страны создает прочную основу для урегулирования возникающих территориальных споров, устранения последствий репрессивного воздействия на жизнь народов, на отношения этнических общностей в государстве.

19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ В. В. Путина была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой указывалось: «Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор

дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации». Не обойдена в документе и проблема принудительно переселенных граждан на территории СССР, ее взаимосвязь со многими факторами развития государственности, в том числе и с территориальным, имеющим судьбоносное значение. Общество, несомненно, ощущает «влияние факторов, имеющих глобальный или трансграничный характер, таких, как унифицирующее влияние глобализации на локальные культуры, нерешенность проблем беженцев и **вынужденных переселенцев** (выделено мной. — Н. Б.), незаконная миграция, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма, международная организованная преступность».

Не случаен в связи с этим тот факт, что в качестве основных принципов государственной национальной политики России названы:

а) государственная (территориальная) целостность, национальная безопасность Российской Федерации; единство системы государственной власти; своевременное и мирное разрешение межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов, в том числе возникающих на территориальной основе;

б) обеспечение межнационального мира и согласия и гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

в) установление ответственности должностных лиц государственных и муниципальных органов за состояние межнациональных отношений на соответствующих территориях, а также мер стимулирования указанных лиц;

г) обеспечение потребностей российской экономики и рынка труда, интересов сбалансированного развития регионов и др.

Обращаясь к историографии проблемы территориального обустройства государственности в экстремальных условиях, особенно этнических общностей, к которым применялись деструктивные формы воздействия со стороны государства, необходимо выделить научные труды прежде всего ученых, работающих в общегосударственном масштабе: Н. Ф. Бугая, А. Г. Здравомыслова, А. А. Прусаускаса, В. А. Тишкова, М. А. Фадеичевой, Т. М. Шамбы и др. [Бугай 1998; Здравомыслов 1999; Прусаускас 1997; Тишков 1990; Фадеичева 2003; Шамба 2002 и др.]. Заметный объем исследований по дан-

ной проблеме применительно к территориям автономий, составляющих Российскую Федерацию, был осуществлен такими учеными, как М. М. Шахбанова, Д. М. Эдиев (Республика Дагестан), А. Х. Боров, Х. М.-А. Сабанчиев (Кабардино-Балкарская Республика), С. Веригин (Карельская Республика), В. Б. Убушаев, К. Н. Максимов (Республика Калмыкия), А. А. Герман (Поволжье), М. И. Мамаев (Кавказ), Б. Д. Пак, Е. Н. Чернолуцкая (Дальний Восток), Ж. Сон (Москва) и др.

Однако, что касается детального исследования проблемы в социальном плане, то подобные работы отсутствуют, как отсутствует и полное представление о проблеме территориального фактора в экстремальных условиях, в том числе связанных с принудительным переселением народов. Изучение этого аспекта проблемы обусловлено жизненной необходимостью. *«К негативным факторам относятся современные территориальные споры и конфликты, связанные с неоднократными произвольными изменениями административных границ СССР, репрессиями и депортациями в отношении некоторых народов»*, — читаем в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации».

Если попытаться дать оценку состояния историографии проблемы, в том числе разработки вопроса территориальной реабилитации репрессированных народов, совершенствования федеративного строительства, государственности этнических общностей в 1990-е годы, то следует отметить, что она в то время пока еще не сложилась, хотя отдельные аспекты ее находили частичное отражение в исследованиях авторов [см., напр., Викторин 1994].

Изучаемая тема связана с решением таких вопросов российской государственности, как обустройство территорий, институционализация власти на этих территориях, урегулирование территориальных претензий, выход из конфликтных ситуаций, обустройство на территории различных контингентов населения, административно-территориальное состояние, экономическое развитие регионов и этнокультурное возрождение [см., напр., Брюхнова 2002; Смирнова 2008 и др.].

Для их изучения необходимо:

– определить и рассмотреть «болевые» точки российской истории применительно к территориальным проблемам рассматриваемого периода;

– осветить процесс активного вовлечения различных социальных слоев населения в экономическую сферу в связи с разделом территории, освоением высвобожденных территорий, урегулированием споров;

– проанализировать исторический опыт решения территориальных притязаний, формирования механизмов выхода из сложившихся спорных ситуаций;

– изучить обоснование особенностей политического курса советского руководства в период сталинских репрессий в решении территориального обустройства этнических общностей;

– осветить содержание дискуссий об условиях возникновения территориальных притязаний, реализации и формах разрешения территориальных противоречий и др.

Надо отметить, что пока отсутствует единство взглядов ученых по этому важному социальному аспекту в плане разрешения территориальных противоречий на основе положений ст. 64 Конституции Российской Федерации.. В связи с этим необходим глубокий анализ проблемы с целью подготовки выводов, выработки рекомендаций, базирующихся на научной основе, для положительного практического решения проблемы. Актуальность проблемы обусловлена также и истечением срока действующего моратория на территориальную реабилитацию до 2015 года. Таким образом, результаты исследования могут быть востребованными как в научном плане, так и в плане недопущения подобных ошибок в будущем. Об этом свидетельствуют и постоянно возникающие споры между лидерами субъектов Российской Федерации (в частности, между главами Чеченской и Ингушской республик — спорный Сунженский район и др. территории), имеющие место возвраты к проблеме территорий в отношениях между Калмыцкой Республикой и Астраханской областью, Грузией и Российской Федерацией, Латвией и Российской Федерацией и др.

В целом же внимание к территориальной проблеме отмечается повсеместно. Об этом свидетельствуют появляющиеся статьи, доклады по этому аспекту темы, прозвучавшие на научно-практических конференциях, заседаниях «круглых столов» [Тугуз 2006; Шнейдер 2006].

Краткий анализ работ российских ученых по вопросам территориальной составляющей государственности, значения

территориальной проблемы в жизни государства, национальной политики в плане территориальной реабилитации этнических общностей в условиях принудительного переселения народов позволяет выявить разные точки зрения, суждения и дискуссии, определиться в приоритетных направлениях. Прежде всего это необходимо в плане консолидации многонационального сообщества, выработки единых подходов в оценке территориальной составляющей для прочности и сохранности самой государственности.

Однозначно необходимо проследить в теоретическом плане связь между такими понятиями, как «народ» и «территория». Известен ряд позиций и суждений по этому поводу. Так, вряд ли можно возразить мнению, изложенному М. А. Фадеичевой, которая, рассматривая вопрос об этнополитических предубеждениях и их преодолении, выделяет *«территориальные предубеждения»* как самостоятельный аспект. М. А. Фадеичева, как и другие исследователи, констатирует, что народ и территория органичны, каждый народ имеет свою территорию, которая ему принадлежит и на которой у него появляется возможность для самоопределения и строительства своей государственности [Фадеичева 2003: 121].

Развитие национальных процессов на территории суверенной России, начиная с 1990-х годов и включая два последних десятилетия, подтвердило, что вопрос о принадлежности территории по-прежнему остается актуальным. В условиях российской действительности, когда некоторые государственные образования носят название двух титульных наций, в обстановке возникновения экстремальной ситуации этническими общностями отдается предпочтение *«единству территориального расселения этноса»*, а не объединенной составляющей. Более того, тут же возрождается память о существовавших в недалеком прошлом границах той или иной этнической общности, входящей в государственное объединение, которое всегда составляло основу воспроизводства культурной общности. Ярким примером этому является конструирование Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республик, а до недавнего времени и Чечено-Ингушской Республики. В этом плане справедливо утверждение М. А. Фадеичевой, что *«представление о «народе своей земли» продол-*

жает существовать и в XXI веке. И до сих пор проявляется одним из важнейших элементов «национального», как и «этнического самосознания»...Определение «своя земля» автоматически переносится на современность...» [Фадеичева 2003: 123].

В границах своей территории этническая общность воспроизводит свою культурно-языковую особенность, развивает свои связи в упрочении языково-культурных основ, хозяйственной, социально-политической сферы, формирует свои традиции. В условиях существования многонационального государства, как замечает М. А. Фадеичева, очень важно и необходимо «снять вопрос о своей земле» и вопрос «коренного народа», так как в противном случае территориальные претензии представителей сообществ друг к другу будут оставаться причиной сложного, а порой и обостренного состояния межэтнических отношений. Примером могут служить отношения между осетинами и ингушской частью населения на территории Республики Северная Осетия–Алания в конце 1980-х годов. Проявление стремления той или иной общности к реализации «своего права» на территорию можно увидеть и на примере российских немцев в период кампании начала 1990-х гг. по созданию государственности — Республики немцев Поволжья. Судя по всему, в условиях существования многонационального государства, каким является Российская Федерация, с ее разделением на автономные территории, проблема консолидации и единства общества может быть затруднена и приобретать статус «вечной проблемы». На мой взгляд, более приемлемым было бы не проведение бесконечных акций по сохранению автономных образований как наследия социалистического прошлого, а четкое следование праву свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, формировать взаимоотношения с этническими общностями по месту проживания, содействовать консолидации многонационального сообщества в государстве. Необходимостью становится создание таких условий, при которых фактор «сохранения себя» уходил бы в прошлое. Правилom общества становилась бы в первую очередь востребованность личности, ее творческого потенциала, возможность жить там, где чувствуешь себя комфортно. Фактор обязательной территории проживания терял бы свою значимость в современном ее толковании.

Он не был бы определяющим в понимании сущности самой этнической общности.

В данном случае трудно не согласиться с выводом исследователя этнополитических процессов на Северном Кавказе и, в частности, в Адыгее, Т. П. Хлыниной. «*Общественные организации считают, этнос сохраняет не территория и ее правовой статус, а способность народов к самоорганизации, формой которой не обязательно должна выступать национальная государственность*», — таков вывод, сделанный автором о национальном суверенитете и обустройстве жизненных условий в республике и основанный на полевом материале, собранном по общественным организациям [Хлынина 2012: 151]. Безусловно, в этой ситуации должен восторжествовать «здоровый прагматизм».

Свое отношение к фактору территориальности в национальной политике излагает и один из известных исследователей проблем межэтнических отношений, в систему которых входит и территориальность, академик РАН В. А. Тишков. В своей работе «*Единство в многообразии*» [Тишков 2011] автор в специальном разделе рассмотрел этот аспект в качестве атрибута национальной государственности.

По нашему мнению, в таких условиях появляется возможность территориальных приобретений составными частями единой государственности как путем передела территории на государственном уровне, так и по согласованию. В подобном случае националистами могут выдвигаться территориальные претензии, дополнительные аргументы по изменению территориальных границ. При таких условиях все аргументы о единстве народов отбрасываются, как и возможность вести речь о какой бы то ни было гармонии межэтнических отношений.

Проблеме конкретно посвящено незначительное количество как диссертаций, так и статейных публикаций. Между тем, именно территориальная составляющая, ее роль и место в процессе территориальных изменений, проводимых реформ по-прежнему затрагивается в ходе освещения соседствующих тем. Все это связано со сложностью самой проблемы и трудностями ее исследования и осмысления.

Так, А. Б. Кузнецова придерживается точки зрения, согласно которой реабилитация и депортация являются органичными составляющими единого процесса. Отсюда

и ее изложение взаимосвязи различных сторон процесса с деятельностью органов государственной власти, обоснованностью предпринимавшихся ими мер, как и со стороны тех, кто подвергался принудительным переселениям [Кузнецова 2002]. Автор отмечает, что в данном случае цель очевидна — успокоение, предупреждение открытых выступлений. С другой стороны, сами переселенцы были обеспокоены возможностью повторения депортаций. Однако как переселение, так и возвращение выносятся на поверхность самый сложный вопрос — о границах. Очевидной становится разнополярность мнений по этой сложной проблеме. Это можно проиллюстрировать на примере отношения к данной проблеме соседей — Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР и Грозненской области (1950-е гг.), которые были вовлечены как в процесс принудительных переселений, так и реабилитации чеченцев и ингушей. В данном случае Дагестанская АССР выступала первоначально против возвращения чеченцев и ингушей на прежние места проживания (1950-е годы). Во-первых, на этой территории реально можно было разместить лишь 1/3 переселяемых семей, с чем исследователь согласна, учитывая экономические возможности районов. Во-вторых, возвращение репрессированных на прежние места проживания влекло еще и «перекрывание границ». Такое действие «*не остается без негативных последствий*», постоянно порождая межэтнические противоречия, особенно в таких приграничных районах, как Пригородный, Каргалинский, Наурский, Шелковской Чечено-Ингушской АССР. Конечно, для второй половины 1950-х годов, периода возвращения бывших спецпереселенцев, была характерной перенаселенность территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. Все это требовало экстенсивного освоения новых сельхозплощадей, включения в хозяйственный оборот ранее выведенных высокогорных районов Галанчожского, Чеберлоевского, Шаройского, большей части Итум-Калинского и Шатойского районов. На территорию, на которую в ходе заселения бывшей республики переселились 125 тыс. человек, теперь возвращались репатрианты, что не могло не обострить земельный вопрос как составную часть территориального фактора.

Рассматриваемая нами тема в определенной мере затрагивалась и в историогра-

фии стран ближнего и дальнего зарубежья. Конечно, и в этом случае длительное время на ее изучении сказывалось существовавшее табу. Пристальное внимание к ней со стороны зарубежной историографии также подчеркивает актуальность проблемы. При этом авторы, рассматривая сопредельные темы, постоянно возвращаются к вопросу о роли и месте территории в эволюции той или иной общности, в истории государств, отставляя в сторону фактор территориальности самой этнической общности.

Например, Л. Н. Дьяченко, изучая процессы принудительных переселений народов Северного Кавказа и частично представителей других народов на территорию Киргизской ССР, также пытается дать оценку роли и места территориального фактора в ходе проведения подобных акций. Автор полагает, что реабилитация некоторых репрессированных народов *«не была подкреплена территориальной реабилитацией»*. По ее мнению, при таком подходе реабилитация *«оставалась фактически неполной, что явилось в последующем причиной межэтнических столкновений и конфликтов»* [Дьяченко 2013]. Данный вопрос, естественно, носит дискуссионный характер и требует конкретных подтверждений, ответа на вопрос, применительно к каким этническим общностям он остается незавершенным.

Если это касается ингушей на Северном Кавказе, то Чечено-Ингушской АССР как субъекту права при решении этой проблемы взамен Пригородного района были переданы другие административные районы, входившие в состав Ставропольского края. Остальные территории, принадлежавшие ранее принудительно высланным народам, несмотря на трудности самого процесса, были им возвращены, или вопрос решался на государственном уровне, как, например, во взаимоотношениях по этой проблеме между Республикой Калмыкия и Астраханской областью. Если речь идет об Автономии немцев Поволжья, то вопрос о реабилитации их в государственном масштабе, в частности, в восстановлении автономной республики, остается в конститутивном положении. Первые акции по этому вопросу вызвали негативный отклик среди проживавших на землях, ранее составлявших Автономию немцев Поволжья. С другой стороны, российским казакам земельные территории также не возвращались, в данном аспекте проблема даже не ставилась.

Если это касается возвращения территории советским корейцам, то они на законодательной основе получили право как возвращения на территорию Дальнего Востока, так и расселения по всей территории страны, где они получают возможность реализации своих способностей и этнокультурного возрождения, применения своего духовного потенциала. При всем этом данная этническая общность сделала вывод о нецелесообразности добиваться решения вопроса об организации корейской автономии на территории России при получении более широких возможностей в условиях совместного проживания этнических общностей, активного участия в преобразовательных процессах российской государственности, удовлетворения своих насущных потребностей.

Российская историография уже располагает материалами по проблеме территориального фактора в условиях принудительных переселений на основе состоявшихся немногочисленных научно-практических конференций, приуроченных к годовщине принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Проведение подобных обсуждений объясняется тем, что последовательное, неукоснительное и обязательное исполнение названного закона находится под общественным контролем.

В 1990–2000-е гг. данная проблема неоднократно обсуждалась на заседаниях круглых столов и на научно-практических конференциях. Она была и в центре внимания на заочном круглом столе «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» (2012 г.), на котором изучались главным образом дискуссионные вопросы: о необходимости территориальных переделов в регионах страны и их сущности; о территориях иноэтничных анклавов в составе автономий; об итогах и последствиях подобных акций; о роли и месте органов центральной власти на разных этапах развития советской государственности и в условиях суверенного существования Российской Федерации с начала 1990-х гг., когда ощущалось обострение проблемы территорий, их принадлежности, межэтнических противоречий, возникавших на основе территориальных претензий; о взаимосвязи между вопросом территорий и этнической субъектностью.

В связи с этим Л. Б. Внукова отметила следующую особенность территориального фактора на Северном Кавказе:

многократные административно-территориальные изменения были подчинены в государстве главным образом решению социально-экономических проблем и проблем в сфере культуры народов. Казалось бы, на первый взгляд, в подобной акции не было ничего негативного. Тем не менее, одновременно возникала и основа «для формирования разноразмерных национально-государственных образований, границы и системы управления» [Внукова 2012: 30]. Несомненно, эта ситуация в условиях СССР в какой-то мере была приемлемой, имела свою основу. В обстановке возникшей суверенной российской государственности легитимность «сложившихся таким образом административных практик и территорий все чаще ставится под сомнение и признается источником региональных конфликтов» [Внукова 2012: 30]. В дополнение к этому особое значение приобретал фактор формирования автономии исключительно по этническому принципу. В условиях современности он вряд ли адекватен формирующимся реалиям и тем процессам, которые имеют место, например, на территории Северного Кавказа, в Калмыкии, в Поволжье и на Дальнем Востоке.

Таким образом, необходимо тщательное комплексное изучение сложной проблемы взаимодействия и взаимообусловленности территориального фактора и состояния межэтнических отношений в разных регионах страны, имеющих и свою специфику, и особенности, и различное содержание эволюционного процесса.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

Брюхнова Е. А. Российские немцы в государственной политике: историко-политический анализ. Автореф. дис. ... к.полит.н. М.: РАГС, 2002. 24 с.

Бугай Н. Ф. Реабилитация народов — одно из направлений национальной политики по укреплению федеративных отношений // Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М.: Наука, 1998. 234 с.

Викторин В. М. Калмыцкий этнический ареал в Нижнем Поволжье и проблема реализа-

ции Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» // Этничность и власть в полиэтничных государствах. Мат-лы Международ. конф. (25-27 января 1993 г.). М.: Наука, 1994. С. 299–310.

Внукова Л. Б. Модели организации государственной власти и проблемы управления на Северном Кавказе // Нацстроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Мат-лы заочн. кругл. стола. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 30–43.

Дьяченко Л. Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана: проблемы адаптации и реабилитации. Автореф. дис. ... д.и.н. Бишкек: Кыргызско-рос. славян. ун-т, 2013. 24 с.

Закрывое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». 16 июля 1947 г. // Кентавр. 1994. № 2. С. 68.

Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-Пресс, 1999. 286 с.

Каганский В. Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречий // Известия РАН. Серия географ. 1993. № 4. С. 85–94.

Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Докум. исследование. М.: Междунар. отношения, 1999. 397 с.

Кузнецова А. Б. Основные аспекты реабилитации вайнахов (1957–1990 гг.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 91–107.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР, март 1946 – март 1953 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2007. 652 с.

О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 40.

Полян П. М. «Проба пера»: первые советские депортации (1918–1925 гг.) // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 598–616. [Электронный ресурс]. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz044.php/ (дата обращения: 27.06.2013).

Прагаускас А. А. Слагаемые государственного единства // Pro et contra. 1997. № 2. С. 20–33.

Реабилитация народов России: Сб. док. / сост. Бугай Н. Ф. и др. М.: ИНСАН, 2000. 448 с.

Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М.: Нов. литератур. обозрение, 2008. 574 с.

- Смирнова Т. Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. 210 с.
- Тишков В. А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2011. 232 с.
- Тишков В. А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15.
- Тугуз Х. И.* Ликвидация и восстановление национальной государственности калмыков: политико-правовой аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 82–94.
- Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://garant-federal.complexdoc.ru/451029.html/> (дата обращения: 27.06.2013).
- Фадеечева М. А.* Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 246 с.
- Хлынина Т. П.* Прошлое в современных этнополитических процессах Республики Адыгея // Нацестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Материалы заочного круглого стола. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 136–153.
- Шамба Т. М.* Право наций на самоопределение и территориальная целостность государства // Стешенко Л. А., Шамба Т. М. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X–XXI вв. М.: «Норма», 2002. С. 213–235.
- Шнейдер В. Г.* Проблем освоения территории бывшей Чечено-Ингушской АССР после депортации местного населения (середины 1940-х гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4. С. 168–171.